

Старобелобородское Особое / Old Whitebeard's Special (рассказ)

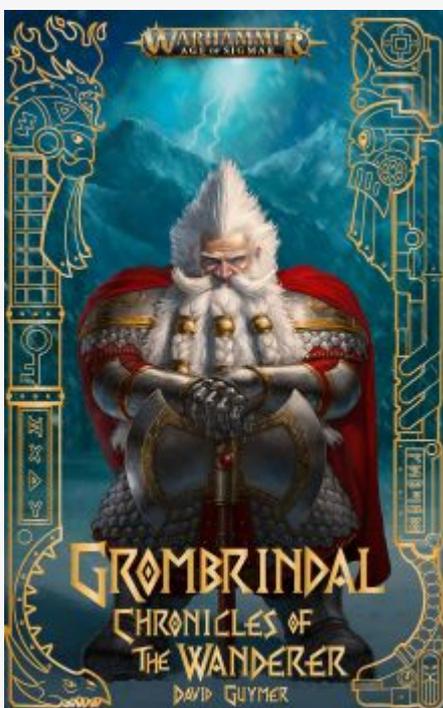
Перевод коллектива "Вольные Криптографы"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Старобелобородское Особое / Old Whitebeard's Special (рассказ)

Автор	<u>Дэвид Гаймер / David Guyer</u>
Переводчик	<u>StacyLR</u>
Редактор	<u>Ejiarch,</u> <u>Mikael Loken</u>
Издательство	Black Library
Серия книг	Громбриндаль / Grombrindal
Входит в сборник	<u>Громбриндаль: Хроники скитальца / Grombrindal: Chronicles of the Wanderer</u>
Год издания	2022

Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Дуардины Эдрундоры владели «Бородатым Драконом» три сотни лет. Старейший длиннорослый, пивший здесь, с одобрением отметит, что ничего у них никогда не менялось, кроме фирменного пива этого года и опилок на полу. Те, у кого память получше, еще припомнят, что это Бронгор Эдрундор, возглавив исход своего народа из Азира, построил точную копию того, чем владели его далекие предки, на том же месте. Эти серые холмы, необратимо оскверненные властью Хаоса, были местом, где тяжело заниматься любым делом. Но они являлись землями дуардинов, и Обездоленные часто правильно говорили, что скорее будут бедняками в домах их предков, чем богачами где-то еще.

Но Эдрундоры не бедствовали. На самом деле, с эпизодическими наставлениями одного белобородого посетителя с необычайно долгой памятью, они процветали...

Брида Эдрундор с босыми ногами неслышно спускалась по лестнице. Было поздно, давно прошло время, когда бородаченкам положено ложиться спать, но пробудивший ее кошмар не давал снова заснуть. В нем она видела, как луна превращается в злобно ухмыляющийся череп и, становясь больше и затеняя окружающие холмы, приближается к ее комнате. Теперь прямоугольники лунного света, падавшие через занавески в жилые помещения стали источником страха, а беззвучная тьма лестницы – странно уютной. Внизу она пересекла небольшую площадку и прижалась к двери бара. Через стыки лился свет. Дерево дрожало от шума. Она раскрыла дверь.

Как всегда, в «Бородатом Драконе» имелись только стоячие места. Дуардины со всех Медноспинных Холмов сгрудились вокруг столов. Путешественники-люди, что пришли издалека, пили и смеялись под балками. Два ревущих очага изгнали мысли об улице в закутки. Пол-гросса^[1] музыкальных инструментов и несколько соревнующихся натянутых песен наполняли воздух. Из-за сна все это казалось абсурдным. Сжав небольшой молот из железного дуба, который мать вырезала ей в качестве подарка на День Грунгни, она вышла из безопасности темноты.

По витражным стеклам, где сидела группа путешествующих аэльфов, барабанил дождь. Странники были одеты в желтовато-серые и холодные коричневые цвета, и говорили друг с другом голосами такими уставшими, как старое дерево, и такими музыкальными, как дождь на крыше пивоварни. Аэльфы тоже слыли знакомым зрелищем, если не завсегдатаями. «Бородатый Дракон» когда-то, очень давно, располагался на торговом пути между Барак Зилфин и Барак Урбаз, но с изменениями земель изменились и большие города, и природа дорог, соединявших их. Такова была природа этого владения и его примечательной магии. Тем не менее, более опытные странники добавляли к своему путешествию лишние дни, чтобы остановиться в «Бородатом Драконе». Бьярн, ее отец, никогда не скрывал свою нелюбовь к аэльфскому роду – или к человечеству, раз на то пошло. От части это было из принципа, ибо они не могли тягаться с дуардинским аппетитом к еде или элю, или, как он говорил, «они разрушали все веселье». В целях возмещения, он выставлял им тройной счет за конюшню. Знай они – явно сочли бы тепло и хорошую еду «Бородатого Дракона» стоящими того.

Но даже острые глаза аэльфов не заметили ее, когда она скользнула мимо их стола.

- Сегодня людно, - проворчал Друри, фургонщик, стоявший, скрестив руки, в тяжелом плаще, вонявшем трубочным дымом и лошадьми.

- Не как в мое время, - сказал Гудрунтарн.

- Во времена Брогнора не было бы такого, что длиннобород стоит, а аэльф - сидит, - добавил Даин, дуардин без определенной профессии, зарабатывавший на жизнь тем, что выполнял случайную работу для дуардинов младше и менее умелых.

- А ты разве не должен быть в пути? - сказал Гудрунтарн Друри. - Эль Бьярна сам себя не доставит.

Друри усмехнулся.

- Он доставит меня, так или иначе.

Оставив длиннобородов с их брюзжанием, Брида пробралась через толпу к бару. Когда она увидела отца, ее лицо посветлело. Бьярн был широким, как амбарная дверь, но сбит был скорее как рабочий, чем как воин, заработав телосложение перетаскиванием бочек вместо размахивания большим топором предков, что именовался Надежным, который висел над баром. У него были огромные плечи, большие и покрытые шрамами руки и, к тому же, круглый живот. Его борода несла налет недавно овдовевшего отца. Покрытое ею лицо пошло красными пятнами из-за тепла очага и слишком большого количества выпивки, но к тому же из-за того, что он всегда едва мог дышать. Первым порывом Бриды было побежать прямо к нему, но что-то остановило ее. Отец натирал металлическую кружку и отвлеченно болтал с Тодруном, местным констеблем. Однако истинный объект внимания обоих дуардинов, и, очевидно, большей части посетителей пивоварни, сидел один, в нескольких пустых стульях вдоль бара от них.

Волосы старого дуардина были белыми, как снег на горной вершине, и длинными. По сути, такими длинными, что сливались в белую бороду, что лежала на коленях и падала сильно ниже подошв его ботинок на упоре стула. Его плащ был поношенным от путешествий. Брюки - грязными. Серебряная кольчуга и редкие драгоценные камни мигали из-под верхней одежды. У Бриды, с озарением того, кто еще чист от обид и клятв будущей жизни, появилось сильнейшее ощущение, что сумеет она заглянуть глубже, то нашла бы нечто более ценное, чем серебро и камни. Она задумалась, не мог ли он быть потомком королей Кхазалидской Империи. Богатства дуардинов таковы, что обычное дело увидеть королей и танов, пьющими в «Бородатом Драконе» вместе с козопасами. И даже аэльфами.

Сейчас он баюкал кружку «Бородатого Особого».

Ежегодная традиция «Особого» была из тех, что род Эдрундоров всегда соблюдал. Даже в долгом изгнании в звездных залах Азирхейма, они продолжали создавать свои памятные эли, хотя «Особые» тех лет известны своей печальностью и горечью.

Белобород поднял кружку к устам. К своему удивлению, Брида заметила, что он пил из металлической кружки, которую Бьярн обычно держал на самом главном месте - на мантии рядом с Надежным. Кружка на две пинты была оловянной, с откидной крышкой и золотой руной на старом кхазалиде, которую никто из рода Эдрундоров уже не мог прочесть, но выглядевшей для Бриды подобной двум горным пикам, положенным на бок. Белобород замочил усы, сделав вдумчивый глоток. Он, размышляя, причмокнул губами. Круг дуардинов и людей вокруг него смолк. Бьярн стоял на дальнем конце бара, отведя локоть, будто замерев в процессе полировки. Белобород кивнул сам себе и заворчал, поставив кружку на стойку. Наблюдавшие длиннобороды подались вперед.

Не замечая этого, Белобород поднял кружку и сделал еще один глоток.

Половина бара выдохнула, и Брида против воли хихикнула.

Белобород повернулся на стуле, услышав то, что не смогли даже аэльфы, и криво ей улыбнулся. Его глаза блестели, словно камни в древних сокровищах, и Брида почувствовала, как ее былая тревога разом улетучилась.

- Ты рано встала, девочка, - произнес он, указывая одной рукой на ее шерстяную ночную сорочку и босые ноги. - Или поздно не спишь, - он подмигнул и поманил к себе. - Иди, девочка, и помоги-ка мне, а то я еще не решил насчет «Бородатого Особого» в этом году.

Брида посмотрела на отца. Она ожидала строгого взгляда и предвестие крепких слов после закрытия, но он выглядел ошеломленным, что этот путник с ней заговорил, и махнул ей на пустой стул рядом с ним. Белобород наклонился, проявив удивительную гибкость для кого-то с такой длинной бородой, и поднял ее на сиденье рядом с собой. Брида ясно заметила, как вокруг нее стихает шум. Она сглотнула и повернулась к Белобороду, как раз когда старый путник наклонился к ней. От его бороды пахло пивом ее отца и Медноспинной Дорогой. Его лицо, даже при всем своем блестящем добродушии, казалось усталым.

- Они еще смотрят, девочка?

Брида обернулась через плечо.

- Да.

Белобород хохотнул и затем толкнул кружку по стойке к ней.

- Давай. Глотни-ка. Скажи, что думаешь.

Брида сделала, как попросили. Хотя ей еще не исполнилось десять, она была дочерью пивовара и, к тому же, дуардином, и разбиралась в эле.

Белобород одобрительно кивнул, когда она сняла пробу, и отодвинулся от стойки, чтобы выудить из дорожной сумки табак и трубку.

- Давай, девочка. Говори.

- Хорошее.

Белобород хохотал, пока на груди не зашуршала кольчуга.

- Думаю, тебе пришлось это сказать. С твоим-то отцом, нависшим у меня над плечом, как призрак Гримнира, - он затолкал щепотку сухих листьев в чашу трубки и поджег их. Отряхивая пальцы, он затынулся, все еще посмеиваясь сам себе. - Да, я знаю, кто ты и чья кровь течет в твоих венах. Так что скажи мне, что ты на самом деле думаешь.

Брида сделала еще глоток и крепко задумалась.

- Могло быть слаще.

- Говоришь, как все бородаченки, которых о чем-то спрашивали. Давай еще.

Брида снова глотнула.

- Этот год был хорошим. Пиво для него слишком горькое. Оно должно быть... ярче.

- А когда процветает «Бородатый Дракон», процветает и Медноспинье, а?

- Отец так говорит.

- А ты всегда слушаешься отца?

Брида приняла удивленный вид.

- Конечно.

- Хорошо, - Белобород задумчиво пожевал трубку. - Дуардин всегда должен слушаться старших. Осваивать их ремесло и учиться на их ошибках, - он еще недолго затыкнулся. - Что же до меня... Дрегсоны, которые работают в долине за тем холмом, в этом году вырастили хороший урожай клинкин-ягод. Если хранить это пиво в старых бочках из клинкин-ягоды, это пойдет ему на пользу, и распространит ваш хороший год чуть шире на тех, кому нужно немного удачи.

Бар, игнорируемый Белобородом, начал переговариваться. Бьярн вытащил Друри-фургонщика из его ворчания, чтобы обустроить покупку всех бочек из-под клинкин-ягод, какие Дрегсоны смогут продать. Белобород забрал свое пиво и предложил трубку. Брида поморщилась от запаха.

Дуардин засмеялся.

- Правильно, девочка, - дружелюбно выдохнул он. - Правильно, - осушив остатки в кружке одним глотком, он вернул трубку себе в рот и натянул капюшон. Потом он встал и наклонился за большим рунным топором, прислоненным к стойке.

- Ты уже уходишь? - спросила Брида.

- Да. Приходится.

- Почему?

Белобород устало ей улыбнулся.

- Давно меня об этом никто не спрашивал.

- Ты выглядишь усталым.

Белобород вздохнул, поправляя плащ поверх брони, потом подмигнул ей, и печаль, которую она, кажется, заметила, растворилась в контурах его улыбки.

- Может, я пройду этим путем когда-нибудь еще. Работенка у меня располагает к выпивке.

Брида и впрямь видела Белоборода много раз после этого.

Она никогда не понимала, как ему удается всегда появляться каждый год в одно и то же время, как раз когда ночи становились длиннее, и Бьярн выносил на дегустацию первые образцы «Бородатого Особого». Старый календарь ее предков был одним образцом древнего ремесла, от которого Бронор Эдрундор с неохотой отказался (хотя и положил его в сундук, а не выбросил). В Спиральном Узле менялось даже время. И все же, почему-то, в эти несколько дней между тем, как выносили пробные чашки и как торговцам передавали бочки, Брида заходила в бар и видела его сидящим на том же стуле, потягивая «Особое» из старой кружки.

- А какая история у этой кружки? - спросила она у отца во время одного из визитов. Ей было девятнадцать. Как он говорил, достаточно взрослая, чтобы обслуживать столики, как и мыть полы, да и стойла выгребать. Если это имело какое-то отношение к ухудшающимся хрипам в его легких, никто из них этого не признавал, и ни один из посетителей-дуардинов никогда не упоминал его кашель, каким бы тяжелым тот ни становился. - Она выглядит совсем простой, если не считать руну.

- Это буква клинкерхуна, - сказал Бьярн. - Из старой империи. Брогнор многое знал, но даже он не был достаточно старым, чтобы помнить язык предков.

- Как он ее получил?

Бьярн кивнул в сторону Белоборода, который сидел, пробуя «Особое» этого года, как делал каждый год с тех пор, как Бриде было девять, и задолго до этого.

- В первый год после того, как Брогнор вновь открыл «Бородатого Дракона», он пришел в эту дверь, сел на этот же стул, дал ее своему деду и попросил попробовать «Особое». Он дал Брогнору несколько советов, и мой отец не был слишком горд, дабы им последовать, и когда он закончил, старый Белобород попросил сохранить кружку до следующего прихода. Сказал, что тот сделает ему одолжение, забрав ее, и что она приносит удачу пивоварням. И так и есть. Через сотню лет, или около того, Брогнор стал выставлять ее наверху, на мантии рядом с Надежным.

- А каким он был тогда?

Бьярн откашлялся в руку и задумался ненадолго.

- Могу сказать лишь, как он выглядел, когда я был молод.

- И как же?

Он снова кивнул на старого дуардин.

- Вот так.

- В смысле, он не постарел за триста лет?

Бьярн пожал плечами.

- Может, потому что пьет «Бородатое Особое».

Он снова кашлянул, стерев кровь тряпкой, пока Брида не заметила.

Но она была слишком взрослой, чтобы не увидеть.

Шли годы, и даже при отсутствии рабочего календаря Белобород отмечал их регулярными, но нечастыми визитами. Дуардины Медноспинных Холмов следили за этим с той же религиозностью, с какой их предки - за Днем Грунгни. Каждую зимнюю ночь они собирались в тепле «Бородатого Дракона», чтобы дожидаться его прихода, а затем посмотреть на ритуальный глоток и последующее, почти что обыденное бормотание про «чуток покрепче бы» или «в этом году немного хмелевое, не думаешь?». Каждый год на несколько недель это собирало разношерстные общества Медноспинья и соседей под одной крышей, и долгое время они процветали. Богатства «Бородатого Дракона» выросли больше тех, которым наслаждались в дни Брогнора, как и его слава, построенная на популярности и

постоянном обновлении «Бородатого Особого». И если ночи казались темнее, а зимы – холоднее, то это стало очевидно для Бриды лишь при взгляде на прошлое. А если бар никогда более не казался таким же полным, как когда-то, то лишь в глазах матроны, оглядывавшейся на золотые годы детства.

- А что, торговый путь ушел дальше на север? – как-то спросил Бьярн у человека, главы каравана, месяцами не видев прочих из их расы из-за холмов.

- Какая торговля? – фыркнул человек. – Стало слишком дорого возить товары по дороге. Слишком опасно. С тем количеством наемников, которым приходится платить – веришь, нет, теперь дешевле нанять харадронский небесный корабль.

Даже аэльфы (к ворчливому уважению Бьярна, придерживавшиеся древних обычаев, они продолжали часто посещать «Бородатого Дракона», как когда-то) говорили о мертвецах снаружи и движениях зла. Из того немногого, что Брида могла различить в мелодичном языке Странников, они говорили о знаменьях, дурных знаках и расплате, поднятой из их собственного времени.

- Вам нужно покинуть это место, – однажды сказала Бриде их старейшина, пользуясь общим языком Азира, потягивая из узкого бокала столь же старое вино из клинкин-ягод, как и она. – Шевелится темная сила. Ее проклятье тяжелым грузом лежит на корнях древних холмов.

Брида просто покачала головой.

Кажется, это удовлетворило аэльфку, улыбнувшуюся в стакан. Ее уступчивость напомнила Бриде любого длиннорода, если не считать, что длиннороды никогда не улыбались.

- Тогда я поздравляю вас, леди Эдрундор. Если бы только мой народ обладал дальновидностью, чтобы остаться и умереть.

Друри протолкнулся через крепкую деревянную дверь, размахивая над головой распоротой рукой, чтобы все видели, но не то чтобы многие об этом беспокоились. К тому времени Брида выросла из обслуживания столов до подачи у бара. Бьярн проводил большую часть времени в большом кресле, спустить которое из жилых помещений наверху помогла для него пара дуардинов помладше. Несколько завсегдаев с мрачными лицами ворчали о призраках и аэльфских проклятиях, когда Друри протопал вперед и положил топор поперек бара, как кто-то мог бы показывать домовладельцу крысу. Брида налила кружку «Бородатого Особого» из рано открытых кег и полила им раненную руку Друри. Кристаллы чего-то, похожего на аметист, застрявшие в порезах зашипели, когда по ним потекло пиво.

- Скрежеты цепей, – проворчал Друри. – Меньше, чем в пяти милях от этих дверей.

Брида не ответила. Она молча удивлялась предусмотрительности Белоборода.

В прошлом году он предложил подсыпать немного капларийских огнесемян, добавив, что будущий год «выглядит колким». Огнесемена хорошо известны как специя, даже в Айаде. В меньше степени их знали, как лекарство от сверхъестественного холода.

- Что, во имя владений, происходит? – пожаловался Друри.

Позднее в тот же год в «Бородатом Драконе» произошли первые изменения с тех пор, как изначальная таверна сгорела до тла многие столетия назад. Бьярн сидел в своем кресле и командовал, пока крепкие

парни-дуардины устанавливали на окна первого этажа крепкие ставни и оковывали старую дубовую дверь медью. Он даже предложил старому Даину (в последнее время разорилось столько ферм, что он бы начал просить о работе, не будь таким гордым) постоянную работу вахтера. Длиннобород принес фамильный топор, и Бьярн дополнительно снабдил его горшковым шлемом, кожаной кирасой и щитом собственного отца.

- Ты не мог бы выделить хоть что-то на защиту дороги? - спросил Тодрун.

- Дороги - твоя забота, - ворчливо ответил Бьярн.

Тодрун собирался возразить, но Бьярн раскашлялся и быстро пресек спор.

- Разве мы не должны ему помочь, отец? - спросила Брида позднее. - Дороги нужны нам так же, как и остальным. И в больше мере, раз уж мы последние, кто ведет нормальные дела.

- В первую очередь приглядывай за своим, - Бьярн взял ее руку в обе свои, будто делился с ней чем-то важным. - Строй свои стены высоко, а фундамент - глубоко. Так дуардины всегда вели дела. Так мы выстоим.

В следующий раз, когда путешественники запачкали порог Бьярна по пути в Барак Зилфин, он отослал их с золотом на мушкетон из харадронского небесного порта. Они вернулись с ним примерно через шесть месяцев. В прошлые годы, они, возможно, пришли бы со сдачей. Бьярн же просто был рад в принципе его получить, и оставался достаточно богат, чтобы при желании быть расточительным, к большому недовольству Тодруна, Друри и тех, кто еще присутствовал, и чьи сбережения переживали упадок не так комфортно, как «Бородатый Дракон». У него появилась привычка засыпать в своем большом кресле с оружием на коленях. Это его успокаивало, и Брида ничего не говорила.

- Я... теперь... слишком стар... для... Надежного, - прохрипел он. Он жестом попросил воды, последнее время предпочитая ее даже элю, и указал на топор над баром. Брида увидела в его глазах стыд. Отчаяние дуардина, которого подвело его же тело. - Он... теперь... твой.

Никто не сказал и слова, когда Брида подняла его с кресла - так он исхудал - и отнесла наверх в постель.

Друри снял шапку с головы и заворчал в свое пиво.

В этом году Белобород пришел рано.

Бар был полон, как задолго до этого. Пришли все дуардины, еще жившие в Медноспинных Холмах, но хотя впервые за несколько десятилетий зажгли оба очага, настроение витало мрачное.

- Откуда ты знал, что нужно прийти? - спросила Брида.

Ее глаза слезились от осознанных усилий *не* плакать. Ее волосы были заплетены так, как всегда заплетал ей отец, когда она была девочкой, и как носила ее мать. Белобород сидел напротив нее, выпивая, как всегда, в одиночестве, за исключением тех неловких случаев, когда человек или аэльф, не знавший его, присоединялся к нему у бара, неизменно уходя с историей или мудростью, которую нескоро забудет. Этого не случалось долгие годы. Ныне для «Особого» было слишком рано, потому его привычную кружку наполнила кварта неизменно любимой «Сокровищницы Дракона».

Хотя он потягивал эль уже почти час, он, кажется, и не думал заканчиваться.

- Я всегда знаю, где нужен, - ответил он с сочувственной мрачностью в голосе. И опустил взгляд на кружку. - Я предупреждал твоего деда, чтобы не строил здесь. Всех, кто вернулся с ним из Азира. Эти камни до сих пор полны Хаоса, как и вода, но они меня не слушали.

- Здесь строили наши предки, - произнесла Брида. - Здесь строим и мы.

Белобород невесело фыркнул. Он выглядел, как обычно уставшим, но теперь мешки у него под глазами были такими глубокими, что, казалось, тянули лицо длиннорода вниз.

- Они так и сказали, - одной рукой - второй он все еще держал кружку - Белобород выудил из кармана плаща небольшую бутылочку и поставил на стойку.

- Что это? - Брида подняла ее. Стекло было слишком темным, чтобы она поняла, что внутри, не считая того, что это жидкость.

- В хорошем пиве важнее всего - вода. Бронор это знал, как и его предки, когда только начинали варить здесь, - он пожал плечами. - Я думал, если он сделает пиво достаточно хорошим, то никто не будет пить воду. И в хорошем пиве есть своя сила. Дуардины из-за него, конечно, подерутся, но в итоге станут лучшими друзьями.

- Из этой воды много пива не сделаешь.

- Надеюсь, что нет, - усмехнулся Белобород. - Это вода из озера Летис, из царства смерти Стигс во Владении Смерти. Выпьешь даже такую каплю - и проснешься где-то в следующем веке, не зная, где ты и как тебя зовут. Но добавь пару капель в бочку... - он пожал плечами и хлебнул из кружки «Сокровищницы», словно давая ей возможность догадаться. - Оно принесет тем, кто пьет, ощущение спокойствия, - он посмотрел вверх. - И тогда, через воды Летис, они могут почувствовать, как поднимаются мертвые в Зале Предков, дабы присоединиться к выпивке с ними.

Рука Бриды сжалась на бутылочке. Дуардинам не была присуща неосторожность, но она до смешного боялась ее уронить.

- Я никогда не слышала об этом *Летис*. Из Шайша? У тебя, должно быть, ушли долгие месяцы, чтобы добраться сюда. Если не годы. Наверное, стоило тебе целого состояния.

Он вздохнул.

- У Эдрундоров все всегда сводится к цене, верно?

Брида от гнева сильнее сжала бутылочку.

- Как долго ты знал, что мой отец умрет?

Белобород осмотрел ее из-под кустистых белых бровей, и хотя Бриде исполнилась сотня лет, она неожиданно почувствовала себя молодой и глупой за то, что, всплыв, повысила голос. Но то, что он сказал, решив наконец заговорить, разозлило ее еще больше.

- Думаешь, он единственный?

Брида налила две пинты «Черной Бороды» из открытой кеги над баром, вода кружкой вокруг струи,

чтобы сделать наверху водоворот. Она передала ее через стойку. Фаргун, сельский рабочий из-за Грейфолда, буркнув, принял ее, оставив горсть слегка позеленевших монеток на стойке, и с выпивкой в руке ушел в закуток в углу. Половина столов была пуста. За остальными же, мало где сидело больше одного дуардина, в лучшем случае - двое, раздумывая в компании друг друга. Доски пивоварни говорили громче посетителей, скрипя под напором ветра и дождя. Люди, во времена тягот и лишений, собрались в свои храмы и наполняли воздух молитвами. Обездоленные вместо этого обращались к своей пивоварне, и вместо песнопений и молитв, они ездили по ушам бармену ворчанием о цене ячменя и погоде.

Брида про себя посчитала монеты, которые оставил ей Фаргун и, к ее слабому удивлению, обнаружила, что вышла более-менее нужная сумма. Она смахнула их в передний карман своего фартука.

Она никогда бы этого не сказала, но Брида скучала по отцу. И ждала возвращения Белоборода. После похорон Бьярна, старый длиннобород стал приходить через год. Потом - через два. Всегда выглядя старше и изможденнее, чем до того. Сейчас прошло уже пять лет. В мыслях она смирилась с фактом, что он не вернется. Путешествовать нынче было сложно. Странников тоже не было видно уже десять лет. А Белобород был очень стар.

- Еще одно свидетельство духа времени, - как-то сказала она, поняв, что постарела, когда бар, ее храм, ответил согласным киванием и множеством одобрительных «да».

Она провела тряпкой, чтобы стереть со стойки кольцо от эля Фаргуна, когда через пивной погреб прокатился стон, похожий на пойманный ветер снаружи.

Люк задрожал под ее ногами.

- Опять этот звук, - сказал Тодрун, будто выдав давно удерживаемое и часто оспариваемое мнение о твердости камня. Старый констебль к этому времени частично ушел в отставку. Едва ли кто-то выходил наружу ночью без явной на то нужды, но он все равно никуда не ходил без пары тяжелых пистолей, которые сейчас лежали на столике, и без наточенного боевого топора за спиной. Он сидел лицом к двери, чтобы приглядывать или здороваться с проходящими, в зависимости от аэльфийскости или поведения. Его напарник, Вагнар, выращивавший ячмень по ту сторону долины, сидел напротив него молча и с кислым видом.

- Не говори, что не слышал, - сказал Тодрун.

- Похоже на крыс, - ответил Вагнар.

- В погребе Брогнора нет крыс, - произнесла Брида. - Стыд тебе и позор, Вагнар Унгулссон, за такое предположение.

Дуардин принял несколько сконфуженный вид. Он огладил бороду и пробормотал извинения.

Брида топнула по люку.

- Он сам вырыл этот погреб. Выложил его камнем на вот такую толщину, - она широко развела руки. - Заказал его добычу в Звездных горах Азира у мастеров-шахтеров из Гильдии Звездного Молота. На каждом камне он вырезал руны, чтобы держать пиво свежим, а моих предков - спокойными в их гробницах.

- Прости слова дурака, - сказал Тодрун. - Он ничего такого не имел в виду. Может, кроме того, что ему нужно еще пива.

- Ну, раз он больше за себя не говорит, будь так любезен, передай ему, что парочка «пожалуйста» или даже «спасибо» весьма вероятно заработают ему добавку.

Из погреба снова раздался странный скрип.

- Может, трубы, - сказал Вагнар.

- Не мои трубы, - рявкнула Брида, и тот покорно поднял руки, сдавшись.

Открылась входная дверь, и все присутствующие подскочили.

Брида потянулась к старому мушкетону Бьярна, нашедшему себе место под стойкой.

- *Ого!* - Друри поднял руки, стряхивая дождь с плаща и нетерпеливо топая по полу.

Брида опустила оружие под бар.

- Тише, Даин, - сказала она. - Отойди.

Дородный, но уже почтенно старый длиннобород сидел на своем стуле у двери, крепко затянув плащ на отмеченной рунами кожаной кирасе Бьярна, не проявляя никаких явным признаков того, что скоро встанет.

- Закрой за собой дверь, вагонщик, - сказал он. - Ты выпускаешь дождь.

Друри пнул дверь, даже не обернувшись, и поспешил к стойке.

Брида налила в высокий кувшин прошлогоднее «Бородатое Особое», пока Друри занимал место у стойки. Он взял кружку и сделал долгий, большой глоток.

- Холодно снаружи, - проворчал он, опустив тару.

- Ты привез нужные нам хмель и ячмень?

Друри покачал головой.

- Пришлось сделать большой крюк. Я несколько раз слышал что-то похожее на копыта позади меня на дороге, только когда оборачивался - ничего, кроме тумана, не было. И вообще, до сих пор их слышу, - он поежился. - Те фермеры, которые еще согласны выходить к дверям, когда в них стучится длиннобород, рассказывают о странных огнях над холмами и черных каретах на старом тракте. Поговаривают, что колдовские духи и кошмарные терзатели теперь делят дорогу с живыми и собирают жатву с тех, кто осмеливается ночью приближаться к холмам. Верзальдус осажден легионом бесчисленных мертвецов и скоро падет, как я слышал от беженцев, а те, что у нас на дорогах, - всего лишь жалкие предвестники воинств Шайша. Чудо ли, что за все эти годы от аэльфских или человеческих путников ни слуху, ни духу?

- А я скажу - скатертью дорога, - произнес Тодрун. - Каждому свое.

- А как же Белобород? - спросил Друри.

- Он из дальних холмов, - пробормотал Тодрун, но он ворчал только, чтобы ворчать, и не был искренен.

Бар погрузился в мрачные раздумья.

- Да, - сказал Друри. - Я так думал. Старый длинноробод лишил это место своего благословения. Какую бы удачу он ни заложил в эти четыре стены при Брогноре, она явно иссякла, - он покрутил кружку «Особого». - Хорошее, но далеко не твое лучшее. Когда последний раз торговец из Барак Зилфин, Рта Торговцев или даже из свободных городов вне владения, приходили за пробой «Бородатого Особого»? Когда?

Брида вспыхнула.

- Я у тебя его заберу и вылью в сток, раз вкус такой негодный.

Друри оборонительно притянул пиво к себе.

- Я же сказал, что хорошее, разве нет?

- Белобород вернется. Видишь? Он оставил свою кружку.

Друри заворчал, но ничего не сказал. Дуардины придавали огромное значение самым мелочам.

- Надо, чтобы Кимли сегодня работал в стойлах? - спросила Брида.

- Да, - ответил Друри, глядя вниз, будто обращаясь к кому-то на дне кружки. - Я оставил телегу сзади и кроме того взял на себя смелость закрыть ворота конюшни за собой. Наружу я этой ночью больше не выйду. Бывает, я подумываю просто встать и уйти в ночь, как Гудрунтарн. Взять Кимли, нагрузить на телегу все, что у меня осталось, и бросить эти проклятые холмы. Но куда я пойду? Мой кузен еще живет в Азирхейме. Но если Верзальдус и правда пал, то какие надежды на то, что Врата Азира еще уцелели, - он показал головой, погрузившись в знакомую каждому длиннорободу ворчливость. - Темные дни настали, хуже даже тех, которые вынесли наши предки во время первого возвышения Хаоса.

В погребу снова задрезжал слабый ветер.

Вагнар ворчливо забормотал в кружку.

- Похоже на крыс.

- В последний раз, - Брида развязала фартук. - В погребу Брогнора Эдрундора нет крыс, - она сняла фартук через голову и шлепнула его на стойку рядом с Друри. Он так глубоко задумался, что подпрыгнул. - Пригляди за баром за меня.

- Ты Даину платишь.

- Не напоминай.

Присев у люка, она взялась за ручку-кольцо, повернула его и потянула.

Дунуло холодным воздухом. Он был свежим и сухим, с привкусом камня и запахом звездного света. Ничто не сохраняло пиво холодным и не удерживало темную магию так, как азирит. Но Вагнар был прав. Холод внизу казался неестественным. Опустив рукава на покрывшиеся мурашками руки, Брида спустилась по ступеням.

Это не был сырой человеческий погреб, и лестницу сделали из хорошо обтесанного камня. Светокамни, установленные в угловые стыки между блоками потолка, давали тусклый, синеватый свет, который не тревожил бы пиво. Оно отдыхало в больших бочках на огромных стойках в три ее роста. Из-за цветного света эти бочки казались серыми. Из рта Бриды вырывалось горячее дыхание, пока она ждала на

нижней ступени. *Прислушиваясь*. Она различала гул разговора из бара. Стук дождя и гул ветра снаружи. Ничего, что бы выдало кого-то, пытающегося пролезть в погреб. Она уже собиралась развернуться и пойти обратно наверх, когда услышала нечто, похожее на царапанье. Будто кто-то в глубине погреба обтачивал камень. За этим последовал слабый стон, дрожь и гулкий скрип в трубах над головой. Она шепотом выругалась.

Вагнар все же был прав. Дело *было* в трубах.

Брида прошла дальше, нелепо вспомнив ночь, когда она, босая и в ночной рубашке, спускалась вниз, увидев Белоборода в первый раз. Она покачала головой. Она уже сотню лет не считала себя ребенком. На полпути вдоль труб, прямо под жилыми комнатами Бриды двумя этажами выше, ряды бочек уважительно расступались перед дверью-аркой. На каменной притолоке были вырезаны руны постоянства. Семейная гробница Эдрундоров. Опасливо взглянув вдоль пивного погреба, Брида вошла внутрь.

Скромный склеп заполнили двенадцать каменных гробниц. На трех имелись резные крышки, изображавшие лежавших в них предков. Брогнор. Брунхильда. Бьярн. Остальные были не запечатаны и пусты, ожидая будущих предков. Она уважительно провела рукой по резному подобию Бьярна Эдрундора.

- Я позволила Тодруну и Вагнару меня одурачить, - прошептала она.

Ничего тут нет. Сквозняк, не более того.

Брида решила вернуться и ничего больше об этом не говорить, когда снова услышала шум. Трение, шлепанье, царапанье. И что-то похожее на дыхание. Очень близко. Трубы прямо по ту сторону порога за ней завибрировали.

Она развернулась, как раз когда частично мумифицированный труп дуардина вывалился в свет склепа из пивного погреба, где, должно быть, бродил туда-сюда целыми днями. Сжав зубы от бальзамической вони, Брида ударила его в челюсть пяткой ладони. Тот задергал ртом, еще не поняв, что его зубы не впились в живую плоть.

- Друри! - крикнула она, несколько раз ударив труп своего деда в ребра. Мышцы его груди хлопнули и провалились под ее кулаком. Мясо нитями потянулось за ее костяшками. Действуя на каком-то боевом инстинкте, мумия плавно обхватила горло Бриды обеими руками. Она ударилась спиной о стену. - Тодрун! Даин!

Просыпав нескрепленные монеты на пол, Брида вытащила из кармана брюк кольцо, на котором держала ключи от пивоварни. Жуткий, с неровными зубьями ключ от черного хода был сделан из азирской бронзы. Найдя его на кольце, она вогнала металл в живот мумии. Из раны выступила уже высохшая кровь. Брида ударила еще, и еще, и еще. Кровь заляпала ее руку по локоть. Но ключ не мог прорезаться достаточно глубоко.

Труп дуардина надавил на руку, которой она сопротивлялась, согнув локоть, и щелкнул на нее зубами. Его дыхание на лице пахло сырой тряпкой, вымоченной в могильной плесени.

- Помогите! - снова закричала Брида, когда зубы сомкнулись ближе к ее лицу. - Кто-нибудь! - она повернула голову в сторону. Сухие губы скользнули по ее щеке. Она вогнала ключ в бок шеи трупа и отчаянно задергала им, будто имея бесконечное количество времени и терпеливого противника, могла отрезать им голову от тела. Из глотки мертвеца вывалились трахея и хрящи, но на нее не полилась

кровь, воздух не дунул ей в лицо.

Мумия укусила, оторвав кусок ее щеки.

Брида закричала.

Неожиданно раздался «шмяк» острого лезвия, ударившего по мясу. Мумия задергалась. Она разжала удушающий хват и повалилась поверх Бриды. Снова безжизненная. Та охнула и сбросила ее с себя, стараясь выбраться из-под нее и сесть прямо, прислонившись спиной к гробнице Бьярна.

Над ней стоял Белобород. Он выглядел изможденным и опирался на свой топор, сложив обе руки на его окровавленном оголовье, длинная борода падала по украшенному резьбой лезвию, вдоль рукояти и дальше на пол. Но даже так он сумел улыбнуться, как бородачонок, только что помогший бабушке найти потерянную монету.

- Я услышал твои крики.

Брида открыла и закрыла рот, но из него, кажется, не вылетело ни звука. Ее голова повернулась, пока не устоялась на труп на земле.

- Брогнор Эдрундор, - вздохнул Белобород. - Он заслужил лучшего.

- Как это случилось? - сказала Брида. - Руны на гробницах должны держать тела не оскверненными, а души - непо потревоженными. Они были написаны рунными владыками больше трехсот лет назад в Азирхейме.

Выпрямившись с явным дискомфортом, Белобород взял щеку топора, как костыль, и провел свободной рукой по гробнице Бьярна. Ее зрение, должно быть, помутилось от внезапного порыва ветра, но когда его рука прошла по рунам, они будто слабо засветились, как если бы их только что вырезали.

- Тебе бы стоило их обновить, если ты унаследовала что-то от рунного мастерства Брогнора. Если нет... - он нахмурился и указал себе за спину. - Если нет, я бы удвоил замки и поставил что-нибудь крепкое и тяжелое на тот люк.

- Но... - он осеклась, снова посмотрев на своего деда, вытянувшегося и побитого на полу склепа.

- Знаю, девочка, но когда отрастишь такую длинную бороду, как у меня, появляется хорошая чуйка на то, что может подождать до утра, а что нет.

- Ты выглядишь уставшим.

- Ты сама не очень-то резвая.

- Нет. Думаю, нет. Но ведь кое-кто из нас старше, чем прежде.

- Мы все немного старше, девочка. Такова природа вещей.

- Ты не постарел ни на час с тех пор, как я была девочкой.

- Значит, ты невнимательно смотришь, - огрызнулся он. Лоб длинноборода морщился, пока его вспышка гнева не прошла. - Прости, девочка. Дорога сюда была тяжелой, а ночь - долгой. Год долгих ночей, и не только. Во владениях у меня много работы, а у тех, для кого я ее выполняю, есть привычка усложнять все и для меня, и для себя.

- Значит, ты не останешься на ночь?

Белобород опустил голову и вздохнул.

- Сколько раз ты спрашивала меня об этом в последнюю сотню лет? Сколько способов сказать «нет» может придумать дуардин? Если я здесь, то я не там.

- Тебе не нужно отдыхать?

- Даже Грунгни нужно порой опустить инструменты. Так мне говорили, - его усы дернулись от чего-то, что могло сойти за улыбку, не будь он таким уставшим. - Но все же он бог и может себе позволить.

- А как же дом?

- Когда-нибудь, - на мгновение он показался грустным. - По крайней мере, в этом я не так отличаюсь от своего народа. Мало у кого из нас он есть в эти дни. И потому я не могу остаться. Но не откажусь от чарочки «Бородатого Особого» на дорожку, - он повернулся, чтобы отвести ее наверх, когда Брида потянулась и коснулась его руки.

По ее пальцам пробежала дрожь, словно от прикосновения к большому количеству золота, и, как в первый раз, когда она встретила старого дуардина, у нее появилось ощущение чего-то более глубоко и великого, чем камень под холмами.

- Отдохни, - сказала она. - Всего одну ночь. Если не ради себя, то ради меня.

Он обернулся.

- Ради тебя, говоришь?

- Если послушать Друри, мою дверь осадили мертвецы. Мой собственный предок бродит под моим домом, - Брида поежилась и обхватила себя руками. - Сомневаюсь, что сама буду отдыхать этой ночью, но если под моей крышей будешь ты и твой топор, это не повредит.

Белобород открыл рот, но она заметила, как его возражения рушатся под весом вздоха. Его брови перестали хмуриться. Напряженные челюсти разомкнулись. Что бы ни беспокоило его в последние десять лет, он слишком устал от этого, чтобы спорить дальше.

- Ну... если ради тебя. Думаю, неплохо будет ощутить уют кровати. И надеяться на хороший завтрак утром.

- Ты получишь и то, и другое, - пообещала Брида. - И утром я первым же делом велю Друри подготовить телегу, чтобы отвезти тебя туда, куда нужно.

- Все это звучит заманчиво, девочка. Но, не сомневаюсь, что утром кому-то придется за все это заплатить.

- О, нет. После всего, что ты сделал для моего отца и деда, я не возьму с тебя и пени.

На лице Белоборода снова попыталась сложиться эта почти что улыбка.

- Я не думал о себе.

В конце концов руны на двери сломались. Но не все одновременно. Гейст-мечник наполовину прошел

через дверь, а затем его перерубило пополам, и верхняя часть его туловища с мечом-косой запачкала порог «Бородатого Дракона» зеленоватым всплеском. Брида подняла мушкетон Бьярна. Для ее старых рук оружие было тяжелым. Пробормотав молитву Грунгни и своим предкам, игнорируя стук и царапанье мертвых по закрытым ставням, она прицелилась и выстрелила.

Свинец со свистом прошел через духа и забарабанил по крепкой двери из дуба и меди за ним. Дробинки были выплавлены харадронцами, однако, родственниками обездоленных в давние времена, и Бриде нравилось думать, что заступничество предков добавило эффективности выстрелу.

Гейст-мечник забился, застряв в твердой массе двери, и с тихим воем исчез.

Времени праздновать не было.

Слева от нее разлетелся ставень. На пол бара посыпалось стекло, когда через него протолкнулась рука скелета, укутанная в туман зеленоватого савана. Не обращая внимания на разбитое стекло, колдовской дух залез внутрь.

Сломался еще один ставень.

Потом еще один.

И еще.

Мертвецы посыпались внутрь, все с адскими глазами и щерящимися черепами. Их шепот манил. Они выглядели почти что счастливыми.

Брида повернула мушкетон на колдовского духа слева, но их ворвалось слишком много, чтобы получилось различить, и она помедлила с выстрелом. Люк за ней издал настойчивый грохот по тяжелой бочке, которую она закатила поверх него. Брида зажмурилась. Ей хотелось, чтобы рядом с ней стоял Даин, но он умер во сне долгие годы назад. Она сожгла его тело и сожгла пепел в озере, в свинцовом гробу. Друри как-то ночью вывел телегу и, как и обещал, просто никогда не вернулся.

Ушли фермы.

Ушли дуардины.

Осталась только Брида.

Открыв глаза, решительно стиснув зубы, она выстрелила в орду. Повернув прицел вправо, она выстрелила снова. Духи проклинали ее, когда харадронская дробь разрывала их на эфир. И все же они пришли.

Бросив мушкетон на пол, она потянулась за спину, чтобы выхватить фамильный большой топор, Надежный, с его подвеса на стене. Насколько она знала, его никогда не снимали. Даже Брогнор никогда не говорил, чтобы держал его с момента возвращения из Азира. Откуда он взялся, и кто его первый владелец, оставалось загадкой. И все же он будто с радостью принял хват Бриды, как она – его вес в руке. На лезвии мерцал призрачный свет. Века несколько затупили его кромку. Но резать предстояло врагов без тела. Она не ожидала большого толка от его физической остроты.

- Я Брида Эдрундор, дочь Бьярна, сына Брогнора. Можете забрать эти холмы для своего хозяина в Шайше, но только после того, как падет последняя дочь дуардинов.

Она с ревом развернулась, когда злобно ухмыляющийся колдовской дух пролетел через стойку. Она отбила его меч оголовьем топора, и выбитые на нем древние руны запульсировали, когда она развернула замах, чтобы пробить лезвие через бестелесную грудь мертвого рыцаря. Тот охнул и взвыл, когда его тело растворилось в проникших повсюду сумерках.

Сбоку от стойки появился еще один призрак. Брида замахнулась на него. Надежный пробился через плечо, как через дым. Тело духа рассыпалось за ее топором туманом, едва лезвие прошло сквозь. Она быстро двинулась к следующему. Круговерть зеленого света и затененных складок, шипованный шлем – такой эфемерный, что она выдела призрачный череп внутри. В тот же миг, когда они скрестили клинки, через бар пролетели еще двое, чтобы напасть сзади. Брида думала о стойке, как о преграде, но для мертвецов она таковой не являлась. В лучшем случае, она была бесполезной. В худшем – мешала ее топору.

Она зарубила духа в шлеме, обернувшись, чтобы отогнать двух других, пока приближались прочие, и отчаянно оглядывая бар. Для последнего боя должно быть место получше. Взгляд Бриды привлекло одно из разбитых окон. Оно находилось в нескольких ярдах от нее, между ними – несколько духов. Даже тогда она помедлила, последний раз с отчаянием оглядывая «Бородатого Дракона». Она увидела кружку Белоборода на мантии и отчего-то потянулась и схватила ее. Если она не могла спасти пивоварню, то, по крайней мере, могла почтить клятву своего деда перед Белобородом и спасти эту вещицу. Прижав кружку к груди, она устремилась к окну.

Мертвецы повернулись, чтобы остановить ее, но они медленно реагировали и еще медленнее двигались, и большая часть еще плыла к бару, когда она, собравшись, бросилась в разбитое окно.

Дуардинов редко считали ловкими. Брида сомневалась, что даже будучи девочкой-бородачком, с достоинством вышла бы из такого прыжка. Но какими дуардины были – и как часто говорили – так это суровыми, гордыми и стойческими до того, что не чувствовали боли. Ее суставы, может, скрипели; слух, как и Надежный, за века несколько потерял остроту, но ее кости все еще оставались крепкими, а череп – благословленным дуардинской толщиной.

Едва поцарапавшись, Брида сперва проверила, не повредилась ли кружка, а затем обратила внимание на себя, поднявшись с земли.

Она долгие годы не выходила из своего дома и почти что забыла, как выглядят Медноспинные Холмы. Оставаться внутри и следить за собственными стенами не было осознанным решением, лишь кульминацией выборов, которые в свое время ей казались правильными. Ветер ранил и холодил порезанное лицо. Он ничем не пах. Рваные клоки облаков бежали по огромной луне с лицом-черепом. Ее дыхание дымкой вырывалось вперед, но недостаточно, чтобы спрятать этот ужас в небе. Она слышала паническое бормотание потока. Шепот мертвых.

Позади нее крепко полыхал «Бородатый Дракон». Или так казалось. Его поглотил не земной огонь, а мерцающие облики колдовских духов, гейстов-мечников и скованных цепями, их тела соединялись и расходились, подобно языкам призрачного костра, пока они раздирали пивоварню на части. Несколько одиноких духов скорбно бродили по двору и конюшням, или бездумно слонялись по небольшому участку высеребрянной луной дороги, который виднелся до поворота на Медноспинные Холмы. Другие пролетали мимо Бриды, больше сконцентрированные, казалось, не на ней, а на разрушении пивоварни и любого признака постоянства, которое она им навевала.

- Ты пришла, - сказал голос с дороги позади нее. - Хорошо. Для тебя явно еще есть надежда.

Резко отвернувшись от горящей гостиницы, она ошеломленно опустила Надежный при виде Белоборода. Его непослушную гриву белых волос окружил свет обитателей ночи. Его плащ был откинут за плечи, громриловые чешуи и яркие камни сияли в ведьмовском огне и злобном лунном свете. Его топор покоился на его плече, но судя по сутулости его позы и усталому выражению лица, он тяжело сражался. Мертвецы его будто избегали, скорее обтекая или сразу убегая в холмы, чем подходя слишком близко.

- О чем ты?

Он указал на пивоварню.

- Ты могла умереть за нее. Но чего бы этим добилась? Обездоленные цепляются за старые обычаи, но не забывай: твои предки из тех, у кого хватило здравого рассудка, чтобы встать и уйти, когда все было потеряно. Эти твои земли... - он топнул ботинком по земле. - Это всего лишь камень. Ты его везде найдешь.

- Но...

Прищурившись на дымку призраков за спиной Белоборода, Брида различила нескольких более гордых и дуардинских силуэтов. Они, кажется, были с ним. Дуардины в высоких драконических шлемах. Дуардины с медными бородами и странными доспехами. И другие, похожие на...

У нее подкосились колени, и она осела на землю.

- Мать. Отец. Мои предки.

- Я предупреждал Бруни, чтобы не строил здесь, - сказал Белобород. - Я говорил ему, что в камнях и воде Хаос. Но он не слушал. Слишком гордый. Твой отец был таким же. Из-за очевидного отсутствия в этом году «Особого», по поводу которого давать комментарий, дай-ка я вместо этого поделюсь с тобой мудростью, - он наклонил голову назад, глядя на медленно оседающую крышу пивоварни. - Это всегда случается, если дуардины закрываются за своими воротами и ждут тьмы. Ты просила меня остаться и приглядывать за холмами. В минуту слабости к очагу, который я когда-то знал, я согласился. Но какой пивовар без фермеров, мельников и возничих, без торговцев и покупателей из дальних земель? Кто мы без товарищей дуардинов? Без людей и аэльфов, которые будут беречься тьмы с нами, если мы им позволим? Да, тень уйдет. Но ее нужно заставить.

Брида слушала каждое слово, но больше не смотрела на него. Из ореола Белоборода ей улыбалась Брунхильда Эдрундор. На ней был деревянный молот, который она сделала Бриде на шестой день рождения. Она выглядела гордой. И полностью безразличной к осквернению ее могилы. Хотя ее мир разрушен, Брида чувствовала себя свободнее, чем за долгое время. С тех пор, как была девочкой.

Брида подняла кружку. Она держала ее неосмысленно.

- Она твоя, - сказала Брида.

- Оставь. Отстройся где-нибудь в другом месте. В любом другом месте. Если пиво достаточно хорошее, то дуардины придут. А может и другие. Не прогоняй никого.

Брида посмотрела на кружку, изучая древний символ клинкерхуна на ее металлической поверхности.

- Почему я?

- Твой предок кое-что для меня сделал. Очень давно. Как я сказал твоему деду, ты сделаешь мне

одолжение, если придержишь ее для меня.

- Я исполню твою просьбу.

Она подняла голову, чтобы поблагодарить его, но Белобород уже отвернулся от нее и шел в дымку. Казалось, он погружается в камень холмов, когда ряды мертвых предков сомкнулись вокруг него и сами растаяли на ветру. Дрожа от его прикосновения, она обернулась, последний раз посмотрев на дом предков, рассыпавшийся в холодном пламени.

Затем она взяла кружку Белоборода, закинула Надежный на плечо и ушла.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Старобелобородское_Особое_/Old_Whitebeard's_Special_\(рассказ\)&oldid=25594](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Старобелобородское_Особое_/Old_Whitebeard's_Special_(рассказ)&oldid=25594)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июля 2024 в 00:16.